

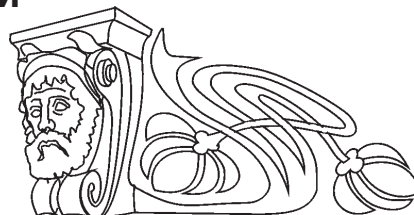

УДК 101. 1 : 316

ТИПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА

Вершилов Сергей Анатольевич –

кандидат философских наук, доцент кафедры истории,
Балашовский институт (филиал) Саратовского государственного университета
E-mail: vershil@mail.ru

Статья посвящена анализу типологии культуры военной безопасности российского социума. Автор представляет на деятельностной ступени защитное и предупредительное объяснения; на идеологической – интерналистское и экстерналистское толкования; на ценностной – эгзистенциальную и антропоцентристскую интерпретации культуры военной безопасности российского социума. Особое внимание обращено на проявление осведомлённости российского социума о своей уязвимости и формирование им адекватного ответа. Формулируется вывод, что указанные типы культуры военной безопасности объединяет их идеальность, а не существование в «чистом виде».

Ключевые слова: деятельностная, идеологическая и ценностная ступени, защитное и предупредительное объяснения, интерналистское и экстерналистское толкования, культура военной безопасности, развитие, российский социум, типология, эгзистенциальная и антропоцентристская интерпретации.

Социально-философское рассуждение о типологии структурных ступеней – деятельностной, идеологической и ценностной – культуры военной безопасности следует представлять в качестве социальной практики, сознания и поведения социума. Под *культурой военной безопасности* будем понимать универсальный инструмент анализа социокультурных пределов концепта «военная безопасность», вобравшего в себя подвижное в континуальном пространственно-временном «сцеплении» и сравнительно статическое во взаимодействии и связи сочетание репрезентативных практик, осуществляющихся и постепенно изменяющихся в деятельности, поведении и сознании субъекта [1, с. 17].

Основная особенность в контексте деятельностной составляющей культуры военной безопасности российского социума представлена двояко: оборонно-охранительно или превентивно. Уяснить культуру военной безопасности российского социума можно и в иной интерпретации: в понятиях «защитный» и «предупредительный». И если в первом варианте военная безопасность как осведомление о своей уязвимости сосредоточена на явных и уже имеющихся военных опасностях, то во втором – первоочередные акценты расставлены на потенциальных угрозах, что предполагает создание адекватного ответа (целевого состояния).

Реализация предупредительной функции даёт возможность культуре военной безопасности российского социума как универсальному инструменту локализовать («смягчить») отрицательное воздействие опасностей и угроз. Это отметил в XIX в. военный теоретик Н. Н. Сухотин, который полагал: «Переменяются враги – одни защищают других; переменяются взаимные положения борющихся: то Русь отстаивается, то <...> нападает; переменяются ближайшие цели войны: то Русь борется за своё существование и отстаивает своё достоинство, то она идёт добывать утраченное и захваченное врагами в тяжёлые дни жизни России, то решительно двигается для покорения с целью расширения своего могущества и влияния» [2, с. 13].

Важно подчеркнуть интенцию российского социума ко второму – предупредительному – типу культуры военной безопасности. По всей видимости, подобная культура военной безопасности российского социума вобрала в себя и позитивную (с позиции выявления детерминантов риска и профилактических мер в военной области), и негативную (с точки зрения прогнозирования вооружённых конфликтов) «энергии». Последняя «заявила» о себе в период «холодной» войны созданием и последующим наращиванием ядерного оружия, которое предназначалось и предназначается для сдерживания военных опасностей (в том числе и вооружённых конфликтов), внедрения и поощрения стандартов превентивной войны.

Действительность убеждает в том, что культура ряда субъектов военно-политической практики в период становления нового миропорядка проявляется в стремлении к применению всевозможных средств, находящихся в их распоряжении. По оценке Р. Розоффа, «никакое вооружённое восстание, подобное тому, что мы видим в Сирии (сегодня на Украине. – С. В.), не могло бы начаться как и в Ливии, а ранее, <...> в Косово, Югославии, если бы его участники не осознавали, что их поддержит культура внешних сил» [3]. В такой ситуации существующие культурные стандарты деятельности, практические рекомендации права или морали, императивы

общеизвестных обычаев войны оказываются на втором плане. В результате слияния различных незаконных организаций, которые готовы для осуществления своих целей углублять «специализацию» и идти на что угодно, произрастают самые неординарные конгломераты. Конечно, это увеличивает возможность вооружённых конфликтов. Если не предусмотреть этого обстоятельства, то для культуры военной безопасности российского социума будет «размыто» осмысление «старта» военной опасности как обозначения возможного причинения ущерба.

Кроме того, в эпоху «символа всеобщего» самым противоречивым образом сочетаются две культуры: современной техники и простейших орудий труда, применяемых для обеспечения военной безопасности. Имеет смысл представить оценку А. А. Зайцова, хотя она и была дана в середине прошлого века: «Наряду со всё ускоряющимся развитием культуры военной техники налицо и совершенно противоположное этому явление – всё возрастающая роль партизанской, или, по существу дела, самой примитивной культуры ведения войны <...> Наблюдается протест слабых против современной военной техники» [4, с. 509–510]. Это затрудняет деятельность по выявлению зарождающихся конфликтов, что, в свою очередь, может «подтолкнуть» культуру военной безопасности российского социума к реализации имперского сценария развития.

В контексте идеологической ступени важно обозначить интерналистское и экстерналистское типологические толкования культуры военной безопасности российского социума. Интерналистское толкование основано на закрытости – военная безопасность реализуется через отстранение от «врага». Экстерналистское «провозглашает» трансграничность, но с активным стремлением к получению влияния на другие территории для «своих» и «растворением» на них «чужих».

Интерналистские тенденции на макроуровне были свойственны культуре военной безопасности российского социума в прошлом столетии и реализовались противостоянием стран Варшавского договора государствам Северо-Атлантического альянса. Однако заметим, в XX в. частично проявился и другой тип культуры военной безопасности – трансграничный: война с Польшей, финская война, события в Прибалтике, Западной Украине и Белоруссии. В новом тысячелетии вследствие объективных процессов глобализации трансграничность культуры военной безопасности российского социума, по сути, превратилась в условие обмена предпосылками существования, что отражается, например, в

сохранении традиций (в том числе и в военной сфере), сбережении материальных и духовных ценностей.

Очевидно, что в настоящее время актуально сочетание и того (интерналистского) и другого (экстерналистского) типов исследуемого явления, но с преобладанием второго. К сожалению, значительно влияние на культуру военной безопасности российского социума со стороны западной культуры, сфокусированной на распространении своих идей и утверждающей мобилизационную стратегию сохранения своей военной безопасности. Ничем иным, как недалёковидностью следует назвать подобную «готовность» США и некоторых других государств решать сложные вопросы военной безопасности с позиции «огня и меча».

Ощущение растущей военной опасности для российской культурной идентичности усиливает идеологическое дистанцирование, способное, по мысли некоторых учёных, перейти в стадию вооружённого противоборства. В связи с этим важно отметить научные труды ряда отечественных и зарубежных исследователей: А. В. Турчина – о «сценариях конца света» [5], С. А. Тюшкевича – о «безопасности России в условиях мирового кризиса» [6], Д. Грея – о «культуре на закате современности» [7], Э. Тоффлера, Х. Тоффлера – о «выживании на рассвете XXI века» [8]. Так, С. А. Тюшкевич утверждает: «Снижение воспитательного и морально-нравственного воздействия культуры и науки на россиян препятствует их мобилизации на обеспечение своей военной безопасности» [6, с. 13]. А по мнению Э. Тоффлера, «утверждение цивилизации новой волны также сопровождается военными конфликтами» [8, с. 46]. Следует признать, что Запад продолжает ориентировать («подталкивать») идеологию культуры военной безопасности российского социума к реализации противопоставления «свой – чужой» сквозь призму формирования образа врага.

На третьей – ценностной – ступени культуры военной безопасности была выявлена её двойственность: условное размежевание на выживание и благополучие абстрактной общности (государства) – этатизм – и на сбережение социума – антропоцентризм. В пределах многообразных репрезентативных практик концепта «военная безопасность» в культуре эти тенденции оказывались в разных соотношениях. Первая в большинстве случаев доминировала над второй, что предопределяло порой ошибочные парадигмы концептуального утверждения культуры военной безопасности российского социума.

Гармоничное сочетание двух тенденций – благополучия государства и сбережения социума – было характерно для начального этапа становления и развития российской государственности (XI–XIII вв.), во время агрессии Франции (1812 г.) и Германии (1941–1945 гг.). В рассмотренные периоды культура военной безопасности российского социума одновременно была и культурой безопасности государства, связанной с антропоцентричностью. В остальные периоды наблюдалось преобладание этатистского типа военной безопасности над личной.

Учёт указанных обстоятельств позволяет актуализировать несходство этатистской и антропоцентристской культур военной безопасности российского социума. Разумеется, что разговор (как и применительно к рассмотренным ранее двум типологиям на деятельностной и идеологической ступенях) необходимо вести о преобладающей интенции культуры военной безопасности, нежели о наличии её конкретных типов в «чистом виде». Культура военной безопасности российского социума практически чаще всего опиралась на этатизм, хотя в качестве ценностных оснований неоднократно утверждались фрагменты антропоцентристских репрезентаций.

Подобное характерно и для эпохи глобализации, несмотря на то, что в концепт «военная безопасность» в культуре периодически «включается» определённый набор социальных проблем. Это подтверждает, что российская власть наконец-то начала учитывать внутривнутриполитический аспект развития социума, обусловленный качеством культурных отношений в нём. Важно подчеркнуть, что в современной военной политике России эти тенденции выражаются в выявлении возможных рисков в обществе. Это производится посредством константной оценки изменений сознания российского социума и установлении превентивных границ, например, мониторинга и локализации «призывов» националистических сил или несистемной оппозиции. Следовательно, культура военной безопасности российского социума реже была антропоцентристской, но чаще – этатистского типа. Примерно с X в. она была тесно связана с религией. В эпоху же глобализации российский социум предстаёт «обманутым» рассуждениями элиты о военной безопасности. В такой ситуации он утрачивает стремление к антропоцентристскому типу культуры военной безопасности, в очередной раз перепоручая их этатистскому, по Т. Гоббсу – «Левиафану» с его армией и иными силовыми структурами.

При этом основополагающая либеральная аксиома – свобода личности, на базе которой

первоначально устанавливалось нынешнее представление о военной безопасности, при расширяющихся рисках сглаживается используемым государством сосредоточенным присмотром над социумом. Указанная тенденция, к сожалению, становится всё более устойчивой. В такой ситуации сигналом наступающей опасности становится предупреждение М. Хайдеггера: «Однажды государственный аппарат окончательно пронижет и закрепит собою многоэтажную машину человеческой общительности» [9, с. 316].

Приметой времени можно считать то, что отечественные философы – в границах современного постструктуралистского дискурса – зафиксировали почти полное отсутствие воздействия элиты на российский социум. В этом проявилось их стремление направить мобилизационный ресурс культуры военной безопасности в помощь личностному развитию и оппонировать государственным (часто обременительным) репрезентативным практикам. Действительно, рост потенциальных угроз военной безопасности социума требует новой модели отношений общества и силовой составляющей государства. Её механизм должен сводить до минимума возможность принятия управленческих решений в военном строительстве, которые не отражают интересы нации.

Вполне понятно, что российское государство утверждает интенцию защиты соотечественников от возможного ущерба. Но нельзя не заметить и следующего: с увеличением опасности и связанными с ней рисками «легитимно» увеличиваются привилегии военно-политической элиты под видом «хлопот» об обществе. Видимо, культура военной безопасности российского социума отражает некий «налёт» фальши, «превращённой формы», которым прикрывается этатистский тип репрезентативной практики. Когда политический режим теряет свою легитимность, армия подчас становится единственной опорой, обеспечивающей его безопасность. В такой ситуации правительство переходит к откровенной диктатуре, утрачивая даже подобие конституционности.

В заключение можно сказать, что проведённый в статье социально-философский анализ позволяет определить исходную типологию культуры военной безопасности российского социума в пределах особенностей её структурных ступеней: деятельностной, идеологической и ценностной. Выделено шесть типов культуры военной безопасности российского социума. Первый и второй – *защитный* и *предупредительный* – актуализированы в деятельностном контексте. Третий и четвёртый типы – *интернационалистский* и *экстерналистский* – обоснованы в

знаках идеологии. Пятый и шестой – *этактистский* и *антропоцентристский* – интерпретированы в ценностном аспекте. Указанные типы культуры военной безопасности российского социума в значительной степени объединяет их идеальность, а не существование в «чистом виде». Успехи или провалы российского социума необходимо воспринимать с учётом типа культуры военной безопасности, который он создал, а также посредством каких ценностей и идей пожелал интегрироваться, что счёл более значимым, а что менее.

Список литературы

1. Вершилов С. А. Детерминация особенностей становления и развития культуры военной безопасности российского социума // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 17–22.
2. Сухотин Н. Н. Война в истории русского мира. СПб., 1898. 58 с.
3. Розофф Р. НАТО может атаковать Сирию, несмотря на вето России. URL: <http://news.mail.ru/politics/8013133/> (дата обращения: 02.02.2012).
4. Зайцов А. А. Военно-философский парадокс // Грозное оружие : малая война, партизанство и другие виды асимметричного воевания в свете наследия русских военных мыслителей. М., 2007. 760 с.
5. Турчин А. В. Война и ещё 25 сценариев конца света. М., 2008. 336 с.
6. Тюшкевич С. А. Безопасность России в условиях мирового кризиса // Военно-философский вестн. 2008. № 2 (02). С. 12–16.
7. Грей Д. Поминки по Просвещению. Политика и культура на закате современности. М., 2003. 368 с.
8. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Война и антивоина. Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. М., 2005. 412 с.
9. Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления. М., 1993. 447 с.

Typology of Culture Military Safety of Russian Society

S. A. Vershilov

Balashov Institute (branch) of Saratov State University
29, Karl Marx str., Balashov, Saratov region, 412300, Russia
E-mail: vershil@mail.ru

The article is devoted to the analysis of influence of typology of culture military safety of Russian society. The author presents at

the active stage protective and preventive explanations; on the ideological – internalist and externalist interpretations; on the valuable – etatistic and anthropocentric interpretations the culture of the military security of the Russian society. Particular attention is focused on the demonstration of the awareness of the Russian society about their vulnerability and the formation of an adequate response. The conclusion is formulated that these types of culture of the military security unites their perfection, but not the existence in «pure form».

Key words: active, ideological and valuable stages, protective and preventive explanations, internalist and externalist interpretations, culture of military safety, development, Russian society, typology, etatistic and anthropocentric interpretations.

References

1. Vershilov S. A. Determinatsiya osobennostey stanovleniya i razvitiya kultury voennoy bezopasnosti rossiyskogo sotsiuma (Determination of Formation and development of Culture Military Safety). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2013, vol. 13, iss. 4, pp. 17–22.
2. Sukhotin N. N. *Voyna v istorii russkogo mira* (War in the history of the Russian world). St.-Petersburg, 1898. 58 p.
3. Rozoff R. *NATO mozhet atakovat Siryu, nesmotrya na veto Rossii* (NATO may attack Syria, despite Russian veto). Available at: <http://news.mail.ru/politics/8013133/> (accessed 23 March 2014).
4. Zaytsov A. A. *Voenno-filosofskie paradoksy* (Military-philosophical paradox). *Grozhnoe oruzhie: Malaya vojna, partizanstvo i drugie vidy assimetrichnogo vovaniya v svete naslediya russkikh voennykh mysliteley* (Terrible weapon: small war, partizanstvo and other asymmetric types of vovaniye in the light of heritage of the Russian military thinkers). Moscow, 2007. 760 p.
5. Turchin P. V. *Voyna i eshche 25 stsenarijev kotsa sveta* (War and another 25 doomsday scenarios). Moscow, 2008. 336 p.
6. Tyushkevich S. A. *Bezopasnost Rossii v usloviyakh mirovogo krizisa* (Security of Russia in conditions of the world crisis). *Voenno-filosofskiy vestnik* (Military-philosophical Gazette), 2008, no. 2 (02), pp. 12–16.
7. Grey D. *Pominki po prosveshcheniyu. Politika i kultura na zakate sovremennosti* (The funeral of the enlightenment. Politics and culture at sunset modernity). Moscow, 2003. 368 p.
8. Toffler Je., Toffler H. *Voyna i antivoyna. Chto takoe vojna i kak s ney borotsya. Kak vyzhit na rassvete XXI veka* (War and anti-war. What war is and how to fight it. How to survive at the sunrise of the XXI century). Moscow, 2005. 412 p.
9. Haydegger M. *Vremya i bytie: stati i vystupleniya* (Time and being: the articles and speeches). Moscow, 1993. 447 p.